

Гончаров В.А.

Образ пастуха в легендарно-исторической традиции о древнейшем прошлом Италии

[Stable URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2499>]

[Публикация работы:]

Гончаров В.А. 2010: Образ пастуха в легендарно-исторической традиции о древнейшем прошлом Италии // Ученые записки колледжа «Номос». Вып. 7 / А.А. Семененко (отв. ред.). Воронеж, 15-23.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Образ пастуха в легендарно-исторической традиции о древнейшем прошлом Италии.

Кому из нас не знакомо слово «пастораль»? С лёгкой руки античных поэтов люди, пасущие скот, в европейской культуре стали символом беззаботной и счастливой жизни на лоне природы. В идиллиях Феокрита и эклогах Вергилия, в поэмах Бокаччо и Ронсара, в драмах Торквато Тассо и Шекспира, в операх Глюка и Моцарта, на картинах Джорджоне и Пуссена юные пастухи и пастушки предаются любовным утехам на фоне прекрасных пейзажей и непрестанно состязаются в искусстве петь, слагать стихи и играть на свирели. Их лёгкое и естественное существование очень напоминает жизнь людей в Золотом веке и явно противопоставляется городской роскоши и стяжательству.

Без сомнения, возникновение подобных образов в искусстве не в последнюю очередь было обусловлено активной урбанизацией и определённым упадком нравов в эллинистический период греческой и позднереспубликанский — раннеимператорский период римской истории. Именно в таких условиях основоположники пасторального жанра и создали идеализированную «картинку» неприхотливой и в то же время по-своему утончённой пастушеской жизни.

Впрочем, в пасторальном искусстве нашла своё проявление, говоря словами В.Н.Топорова, лишь «вторичная пастушеская мифология»¹ В обществах же более архаичных, ещё не испорченных благами урбанизации, пастухи воспринимались по-иному. Отделённость от общины и жизнь в окружении дикой природы давали повод рассматривать их вовсе не как идеал «естественного человека», а как людей, противопоставленных человеческому коллективу или даже враждебных ему — недаром в легендах и поверьях многих народов (преимущественно земледельческих) пастухи нередко рассматриваются как разбойники, колдуны или даже оборотни.

Что интересно — совершенно аналогичным образом архаическое общество относилось и к ещё одной весьма любопытной социальной группе, а именно — к представителям юношеских инициационных сообществ. Как уже давно было отмечено этнографами, у целого ряда «примитивных» народов мальчики, достигшие определённого возраста, на некоторое время отделялись от общины и погружались в окружающий её мир «дикости». В отдельных случаях они проводили отведённый им срок поодиночке, однако чаще всего рассматривались как своеобразное

«инициационное братство» — замкнутая группа юношей, живущая в лесах (нередко — в специальном лагере или «мужском доме») и самостоятельно добывающая средства к существованию.

Изначально подобные братства, вероятно, носили мирный характер и в основном занимались постижением охотничьих навыков под присмотром старших наставников, однако постепенно они превратились в сообщества молодых воинов — наиболее активных, ловких, сильных членов общины, которые охраняли её границы от внешних вторжений, а также совершали грабительские набеги на соседей, а иногда — и на своё родное селение. При этом одним из наиболее характерных признаков рассматриваемых сообществ было требование «жить как волки», а сами сообщества нередко именовались «стаями». Более того, подростки, погружённые во «внешнее пространство» и лишённые сытной еды, сна и кровя над головой, нередко впадали в состояние ритуального безумия, которое обычно трактовалось как одержимость духами, дававшая посвящаемому способность обладания определенными магическими силами, прежде всего — способностью превращаться в диких зверей.

Объединения подобного рода особенно хорошо были развиты у воинственных африканских племен масаев и зулусов — у них юноши, достигшие определённого возраста, переселялись в «воинский лагерь» и жили там вплоть до вступления в брак, совершая грабительские набеги на земли соседей, а иногда и выступая в качестве одного из подразделений племенного войска². Аналогичные сообщества известны также у племен нага, живущих на территории Ассама и Бирмы, и у населения островов Западной Микронезии.

Реликты инициационных братств сохранялись и у многих народов Античности и Раннего Средневековья. В частности, описанные выше функции выполняли спартанские крипты и афинские эфебы, охранявшие границы общинной территории и добывавшие средства к существованию охотой и грабежом³. Сходный обычай существовал и у древних германцев — согласно Тациту (Герм. 31), молодые воины племени хаттов не стриглись и не брились, придавая себе дикий вид, и при этом «не имели ни дома, ни поля, да и забот никаких», а занимались исключительно воинским ремеслом, в бою обычно выступая в качестве передового отряда. Думается, именно подобные воины являлись предками позднейших скандинавских «берсерков» (воинов–медведей) и «ульфхедхин» (воинов–волков), которые нередко рассматривались как оборотни, одевались в звериные шкуры, носили звериные имена и т.д. Аналогичные сообщества, по всей видимости, существовали и у скифов — в античных письменных источниках они именуются «отважнейшими

псами»⁴ «Гвардия» тюркских каганов в эпоху Раннего Средневековья состояла из молодых воинов, которые именовались «бцри», то есть «волки». Пережитки рассматриваемой традиции довольно хорошо заметны в обычаях и эпосе осетин, у ряда народов Средней Азии, а также у славян⁵

Судя по всему, в рассматриваемом отношении не были исключением и жители Древней Италии. Внимательный анализ источников с проведением этнографических параллелей позволяет предположить, что на определённом этапе исторического развития у италийских племен также существовали объединения, аналогичные юношеским инициационным сообществам других архаических народов. Не в последнюю очередь отголоски этого заметны в легендарно-исторической традиции Древнего Рима. В частности, в подобном ключе можно истолковать некоторые элементы рассказа о деяниях Геракла на территории Италии, ряд моментов в поэтическом мифе о странствиях Энея и, конечно же, легенду о Ромуле и Реме. Что самое любопытное — практически все персонажи, демонстрирующие «инициационные» черты, являются пастухами или, по крайней мере, выполняют пастушеские функции на определённом этапе своей жизни.

Прежде всего, в этом плане обращает на себя внимание сохранившаяся в сочинениях многих древних авторов история об основателях Вечного Города. В частности, с интересующей нас стороны весьма показателен отрывок из «Римских древностей» Дионисия Галикарнасского (I.79.11). Повествуя о юношеских годах Ромула и Рема, он пишет: «Жизнь они вели пастушескую и пропитание добывали собственным трудом, живя в горах в хижинах, которые они построили из дерева и покрыли камышом». Тит Ливий (I.4.8–9) к пастушеским занятиям близнецов добавляет — что важно — охоту, а также нападения на разбойников с целью захвата добычи. Примерно о том же самое пишет и Плутарх: «Они считали неприличным бездельничать, лениться, и занимались гимнастикой, охотились, бегали, убивали разбойников, ловили зоров и не давали в обиду угнетаемых» (Rom. 6). Постоянные драки «то в рукопашную, а то и с оружием» упоминаются и у Дионисия (A.R. I.79.12). Кроме того, древние авторы, повествуя о пребывании Ромула и Рема в среде пастухов, нередко обращают внимание на то, что их занятия при этом были не в последнюю очередь направлены на укрепление тела и духа (*Liv.* I.4.9; *Plut.* Rom. 6). А ведь, как отмечено этнографами, именно подобная цель во многих случаях преследуется и в процессе инициационных испытаний у племён, еще не вышедших из состояния первобытности.

Что интересно — Ромул и Рем, находясь среди пастухов, не

просто пасут скот, охотятся и сражаются с разбойниками, но и вместе со своими товарищами составляют определённую «шайку» (*grex*) — выражаясь словами Ливия (I.4.9). Весьма любопытны и отношения этой «шайки» с разбойниками. Как можно заметить, различные древние авторы трактуют эти отношения по-разному. Так, в процитированном выше отрывке из Плутарха будущие основатели Рима представлены как эдакие «Робин Гуды», которые «ведут себя так, как следует людям благородным» — они не просто убивают и ловят воров, но и «не дают в обиду угнетаемых» (Rom. 6). У Ливия же нападения близнецов и их товарищей на разбойников лишены подобного романтического ореола и, вероятно, в большей степени отражают реальное положение вещей, отголоски которого мы пытаемся найти в анализируемой легенде. Согласно автору «Истории Рима от основания Города» (I.4.9), «пастухи» под предводительством Ромула и Рема атаковали лесных воров вовсе не из благородных побуждений, а отбивали у них добычу и делили её между собой, то есть по сути дела являлись такими же грабителями. Вполне возможно, что в данном случае мы имеем дело с отголосками действительно происходивших некогда стычек между представителями различных юношеских сообществ соседних италийских общин.

Думается, подобные стычки не были редкостью у первобытных инициационных братств, одним из основных занятий которых был грабёж, в частности — угон скота. Аналогичные столкновения — нередко, правда, носившие ритуальный и тренировочный характер — известны и для Древней Греции. Чаще всего, они, судя по всему, происходили в гористых пограничных землях, «районах охотников и пастухов» (по выражению Пьера Видаль-Накэ)⁶, которых было немало на территории Эллады. Отражением подобных конфликтов в легендарно-мифологической традиции древности исследователи, в частности, считают миф о пограничном поединке между беотийским царем Ксанфом («белым») и афинским героем-охотником Мелантом («чёрным»), который победил своего противника при помощи хитрости. Что примечательно — данный миф объяснял происхождение праздника Апатурий, которое отмечало включение юношей в общину.

Кроме того, говоря о Ромуле и Реме в интересующем нас ключе, нельзя не упомянуть и об их связи с празднеством Луперкалий. Так, практически все древние авторы, пересказывающие легенду о детстве и юности близнецов, упоминают об их участии в этом празднестве⁷, а некоторые даже называют их его основателями⁸. Что важно для нас — многие элементы Луперкалий позволяют сравнивать их с инициационными обрядами первобытных народов. В этом отношении

достаточно упомянуть проведение обрядов в пещере, скрытой от глаз посторонних, ритуальный бег юношей, сопровождавшийся бичеванием, ритуальную обнажённость и ряжение в шкуры, обряд со смыванием крови, возможно, символизировавший смерть и воскресение, и, наконец, связь с образом волка (*lupus*) — существа, символизировавшего «внешнее пространство», в которое обычно отправлялись иницилируемые подростки. Любопытный момент — Цицерон в своей речи в защиту Марка Целия Руфа (XI.26) именует организаторов и участников рассматриваемого праздника — луперков — «диким, пастушеским и грубым братством». С подобной характеристикой согласно и большинство современных исследователей, которые чаще всего рассматривают Луперкалии как изначально пастушеское празднество⁹. Исходя из всего вышесказанного, позволим себе предположить, что сообщество луперков вполне могло вести своё происхождение от пастушеско-разбойничьей «шайки» Ромула и Рема или от аналогичного юношеского объединения.

Не исключено, что у других итальянских народов также имелись сходные организации. Во-первых, в этой связи следует упомянуть закральное сообщество фалисков, носившее название *Hirpi Sorani*, т.е. «волки Сорана». В обрядах этого сообщества — так же, как у луперков — заметен целый ряд «инициационных» черт, в том числе закрытость для непосвящённых, ритуальные испытания, состояние иступления и — опять же — связь с образом волка¹⁰. Но это ещё не всё — согласно легенде, которую в своих комментариях к «Энеиде» пересказывает Сервий (XI.785), основателями рассматриваемого сообщества стали именно пастухи, которые однажды остановились в пещере на склонах горы Соракт и выпустили таившийся там вредоносный дух, вызвавший в округе моровое поветрие, сопровождавшееся нашествием волков. Чтобы прекратить все эти бедствия, пастухи принесли обет «изображать волков, то есть жить рабежом».

Второе — ещё более прямое — свидетельство существования у населения Древней Италии юношеских братств, погружённых в мир «дикости», мы находим в написанной римским историком I в. н.э. Помпеем Трогом «Истории Филиппа», которая дошла до нашего времени в epitomae, составленных позднейшим автором Юстином. Рассказывая о вторжении в Италию сицилийского тирана Агафокла, Помпей Трог, а вслед за ним и Юстин обращают внимание на обычаи бруттиев и луканов — народов, живших в те времена на территории, охваченной упомянутым вторжением, и в числе прочего отмечают: «Племя луканов имело обыкновение воспитывать своих детей, следуя тем же правилам, что и партанцы; мальчики-подростки воспитывались в лесах среди пастухов;

они не пользовались услугами рабов, не имели одежды, которую они могли бы накинуть на себя или на которую можно было бы прилечь, и приучались с ранних лет к перенесению лишений и к бережливости, не зная городской жизни. Пищей была им добыча от охоты, питьём — молоко или ключевая вода. Так их закаляли для перенесения воинских трудов. Собравшись вместе, человек пятьдесят из их числа обычно отправлялись на добычу во владения соседей; затем к ним сбегалось множество других, подстрекаемых надеждой на добычу, а когда их набиралось уже много, то они становились опасными для всей страны» (XXIII.1.7–10).

Античные авторы вполне естественно сравнили описываемую систему воспитания мальчиков у луканов со спартанской: как известно, спартанские подростки точно так же проводили определённое время в отрыве от своего полиса, без обуви и постели, самостоятельно обеспечивая себя пропитанием¹¹. Однако современный исследователь, в числе прочего знакомый с широким кругом этнографических источников, имеет возможность взглянуть на рассматриваемый обычай южноиталийских племен более широко, а именно — как на определённый этап широкомасштабного обряда инициации. Действительно, мальчики луканов, согласно рассматриваемому сообщению, в первую очередь отрываются от привычной среды («не зная городской жизни») и погружаются в мир «дикости» (леса), где ведут жизнь, полную лишений и ограничений, готовятся к жизни охотника и воина, осуществляют набеги на земли соседей — точно так же, как и их сверстники из первобытных племен.

Что важно для нас — юные луканы воспитываются не просто в лесах, но «в лесах, среди пастухов», то есть и в рассматриваемом случае пастухи выступают как своеобразное воплощение «внешнего мира», а их подопечные занимаются не только — и даже не столько — собственно выпасом скота, сколько охотой и разбойным промыслом. Весьма примечательна в этом отношении и легенда о происхождении племени бруттиев, которая пересказывается у Помпея Трога и Юстина (XXIII.1.5–6), а также у Страбона (VI.1.4) и Диодора Сицилийского (XVI.15.1). Согласно этой легенде, бруттии некогда представляли собой часть племени луканов, от которого затем отделились в результате военного конфликта. Вполне возможно, что в данном случае мы имеем дело с позднейшим переосмыслением инициационных сообществ, которые выводились за рамки родного поселения насовсем и основывали новую общину. При этом наиболее интересна версия, приводимая Страбоном: этот автор прямо говорит о том, что предки бруттиев изначально служили у луканов пастухами.

Возвращаясь же к легендарно-мифологической традиции, обратим внимание ещё на один сюжет из древнейшей итальянской истории, а именно — на легенду о победе Геркулеса над чудовищем по имени Как, разные версии которой приводятся в сочинениях Вергилия (Aen. VIII.184–279), Овидия (Fast. I.539–584), Тита Ливия (I.4–7), Дионисия Галикарнасского (A.R. I.39), Аврелия Виктора (Orig. VI–VII). Все эти авторы сходятся на том, что Геркулес попал на землю Италии, возвращаясь после победы над Герионом и гоня перед собой похищенных у него быков. На берегах Тибра герой, утомившись с дороги, прилег отдохнуть, но, пока он спал, некий Как (имя явно происходит от греческого слова *kakos* — «плохой») хитростью похитил из его стада нескольких животных и спрятал их у себя в пещере. Когда Геркулес обнаружил пропажу, он убил Кака своей дубиной, после чего был принят у себя местным царем Эвандром (выходцем из греческой Аркадии) и учредил свой собственный культ, закрытый для женщин.

И здесь мы вновь сталкиваемся с «пастушеской темой». Так, у Аврелия Виктора (Orig. VI.1) пастухом назван сам Геракл, а у Ливия (I.7.5) — обитавший в пещере и побежденный Геркулесом Как. Что примечательно — Геркулес в рассматриваемой легенде совершает ряд действий «инициационного» характера: он оказывается в Италии после победы над Герионом — великаном с тремя головами и тремя туловищами, что напоминает о традиционных воинских посвящениях у многих индоевропейских народов¹², а перед тем, как ворваться в пещеру Кака, герой три раза обегает Авентинский холм (где располагалась пещера чудовища), что походит на ритуальный бег уже упомянутых нами луперков, который также можно трактовать как разновидность инициационного испытания.

Противник же Геркулеса явно обладает рядом черт «инициационного чудовища», которое, согласно представлениям первобытных народов, проглатывало новичков — он извергает огонь, пожирает людей и живет в пещере, вокруг которой разбросаны человеческие кости и черепа. В частности, последний элемент очень напоминает «священные площадки» для посвящений у многих «примитивных» народов (к примеру, у ряда племен Африки), которые нередко обносились забором, увешанным человеческими черепами¹³.

И наконец, остановимся ещё на одном мифологическом мотиве, связанном с пастухами и довольно широко распространенном в Античности. Без сомнения, речь идет о сюжете, согласно которому пастухи являлись воспитателями многих будущих героев и правителей. Так, согласно греческим мифам, пастухами были воспитаны такие персонажи.

как Парис (Apollod. III.12.5), Эдип (Soph. O.C. 716–719, 1026–1035), царь Мизии Телеф, сын Геракла и дочери аркадского царя Алея (Apollod. II.7.4). У римлян же аналогичный мотив замечен в легенде о воспитании латинского царя Сильвия, сына Энея и Лавинии (Dion. Hal. A.R. I.70) и, конечно же, в истории о рождении и детстве Ромула и Рема¹⁴. Согласно упоминанию Вергилия (Aen. VII.680), «среди стад» был рожден и легендарный герой Цекул, основатель Пренесте и глава «деревенского легиона». В подобном сюжете роль пастухов очень напоминает функции руководителей инициаций, которые воспитывали посвящаемых мальчиков после их разлучения с матерями и погружения во «внешний мир», обучая техникам охоты, боя, танца, общения со сверхъестественными силами и т.д.

Таким образом, судя по приведённым сообщениям античных авторов, «пастушеская жизнь» в древнейшей легендарной традиции Рима гораздо больше была похожа не на мирную и романтическую пастушескую жизнь, представленную в позднейшей пасторальной поэзии, а на суровые и полные лишений будни заброшенных в мир «дикости» инициационных братств первобытных народов. Сами же пастухи символизировали «внешнее пространство», находящееся за пределами общины, и нередко выступали в качестве лесных охотников, разбойников и даже оборотней — опять же точно так же, как представители архаических инициационных сообществ.

¹Топоров В.Н. Пастух // Мифы народов мира. — Т. 2. — М., 1988. — С. 292.

²См. напр.: Merker M. Die Masai. — Berlin, 1904. — S. 60–61.

³Jeanmaire H. Couroi et Couretes. — Lille, 1939. — P. 554–559; Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. — М., 2001. — С. 136–179.

⁴*Polyaen. Strat.* VII.2.1; *Aelian. Varia Hist.* XIV.46. Подробнее см.: Иванчик А. Е. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // Советская этнография. — 1988. — № 5. — С. 40–52.

⁵Об осетинах подробнее см.: Иванчик А.Е. Указ. соч. — С. 42–44; о Средней Азии — Снесарев Г.П. Традиция мужских союзов в её позднейшем варианте у народов Средней Азии // Полевые исследования хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. — Т. II. — М., 1963. — С. 165 и 176: славянах — Балушок В.Г. Инициации древних славян (попытка реконструкции) // Этнографическое обозрение. — 1993. — № 4.

⁶Видаль-Накэ П. Указ. соч. — С. 139.

⁷*Dion. Hal. A.R.* I.80.1, *Ovid. Fast.* II.359–380, *Liv.* I.5.2, *Plut. Rom.* 21; *Val. Max.* II.2.9; *Serv. Aen.* VIII.343.

⁸*Val. Max.* II.2.9; *Aur. Vict. Orig.* XXII.

⁹См. напр.: Preller L. Roemische Mythologie. — Berlin, 1865. — S. 92; Warde Fowler W. The Roman festivals of the period of the Republic. — L., 1899. — P. 312; 334; Otto W.F. Die Luperci und die Feier der Lupercalien // Philologus. — 1913. — Bd. LXXII. — S. 176; Sabbatucci D. La religione di Romi

antica dal calendario festivo all'ordine cosmico. — Milano, 1988. — P. 58; Porte D. Les donneurs de sacré. La prêtrise à Rome. — Paris, 1989. — P. 57; Жреческие коллегии. — М., 2001. — С. 253.

¹⁰Подробнее см.: Гончаров В.А. *Nirpi Sorani*: «волчье братство» Древней Италии // Норция. — Вып. 4. — Воронеж, 2004. — С. 193–199.

¹¹Plato. *Leg.* I.633b; Plut. *Lyc.* 28.

¹²Dumézil G. *Mythes et dieux des Germains*. — Paris, 1939. — P. 103–104.

¹³Тропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. — М., 2004. — С. 156–157.

¹⁴*Dion. Hal. A.R.* I.76–79, *Liv.* I.4, *Ovid. Fast.* II.381–424; III.9–66, *Plut. Rom.* II–VI, *Aur. Vict. Orig.* XIX–XXI, *Justin.* XLIII.2, *Serv. Aen.* I.273.